

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ВЛИЯНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ДИАЛЕКТНЫХ ЛЕКСЕМ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОЛЕЙ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Л.Б. Моргоева
И.Н. Цаллагова

В статье рассматриваются смысловые соответствия субстантивной лексики в диалектных формах осетинского языка при их полной или частичной самостоятельности формально-грамматического представления. На основе фольклорного языкового материала проанализированы денотативные соответствия и коннотативные расхождения диалектных синонимов, большинство из которых сохранили застывшую семантику, транслирующую концептуально значимые представления национальной культуры бытийного и рефлексивного уровней. Методом синхронного анализа смыслового наполнения и этимологического преобразования лексических единиц диалектных форм осетинского языка выявлены наиболее актуальные метафорические ориентиры, предпочитаемые при образовании и функционировании отдельных лексем. Условная тематическая классификация лексем позволила проследить взаимодействие синонимических пар с другими лексемами той же группы и обнаружить потенциальные возможности вхождения разных семантических групп в одно концептуальное поле. При этом наиболее привлекательными оказываются случаи схождения в единое концептуальное поле лексем рефлексивного уровня, представляющих различные группы бытийного плана содержания, как в случае с лексемами, называющими части человеческого тела и предметов домашнего обихода, которые, в силу сохранности в своем значении отголосков культурно-исторических реалий, могут выступать репрезентантами концепта «мера». При определении и анализе семантических различий диалектных синонимов осетинского языка устанавливаются основные причины расхождения, главными из которых оказываются отличные друг от друга пути заимствования из территориально разных сопредельных языков. В результате семантического переосмысления денотаты заимствований трансформируются, но при этом находят отражение в культурных представлениях народа, приобретая некоторые отличительные оттенки, с опорой на которые, в свою очередь, происходит образование субстантивов и сложных номинативов с использованием уже внутриязыковых ресурсов.

Ключевые слова: осетинский язык, диалект, лексика, семантика, архаизмы, синонимы, концептуальное поле.

The present article discusses the semantic correspondences of substantive vocabulary in dialectal forms of the Ossetian language with the full or partial independence of their formal grammatical presentation. On the basis of the folklore language material, denotative correspondences and connotative discrepancies of dialect synonyms are analyzed, most of which retain frozen semantics

that transmit conceptually significant representations of the national culture of being and reflexive levels. The method of synchronous analysis of semantic content and etymological transformation of lexical units of dialectal forms of the Ossetian language revealed the most current metaphorical guidelines preferred in the formation and functioning of separate lexemes. The conditional thematic classification of lexemes made it possible to trace the interaction of synonymous pairs with other lexemes of the same group and to discover the potential possibilities of different semantic groups in entering one conceptual field. At the same time, cases of convergence into a single conceptual field of the reflexive level of lexemes, representing different groups of the existing content plan, are the most attractive, as is the case with lexemes naming parts of the human body and household goods, which, due to their integrity, reflect the cultural and historical realities may act as representatives of the concept of "measure". Defining and analyzing semantic differences of dialectal synonyms of the Ossetian language the main reasons for these discrepancies are established, namely, the fact that they had been loaned from different source-languages, from geographically different adjacent languages. As a result of the semantic reviewing, the denotations of borrowings are transformed, but they are reflected in the cultural ideas of the people, acquiring some distinctive shades, based on which, in its turn, the formation of substantives and complex nominatives using intralinguistic resources takes place.

Keywords: *Ossetian language, dialect, vocabulary, semantics, archaisms, synonyms, conceptual field.*

Самобытность восприятия каждым народом окружающей действительности обусловлена многими факторами, в том числе и степенью обособленности от других социальных групп, и в то же время – территориальным соседством с представителями других культур, в результате чего возникают расхождения в механизмах образования вербальных обозначений предметов, действий, признаков и других языковых знаков, поскольку «национальная специфика мышления обусловлена не национальным языком, а национальной действительностью» [1, 48].

В осетинском языке наиболее продуктивным способом образования слов был и остается способ словосложения, в основе которого лежит сложная метафоризация объективной действительности. Метафора, которой подвергается, в основной своей массе, вся действительность, является весьма важным ключом к пониманию процессов внутренней концептуализации значимых нравственно-этических категорий, принципов эвфимизации и способов образования описательных номинаций

[2, 387-390]. И даже не преследуя цель рассмотреть метафорические процессы, исследователь так или иначе сталкивается с метафорой и ее различными формами при глубоком изучении семантики лексической единицы и его раскрытии внутри синтаксической конструкции любого порядка сложности.

Лексические расхождения в иронском и дигорском вариантах осетинского языка представляют исследовательский интерес в том плане, что, при семантическом сходстве, они не всегда являются абсолютными синонимами, поскольку употребительны лишь в одном из диалектных вариантов. Подобные смысловые синонимы в обеих формах осетинского языка имеют общий денотат и очень часто совершенно разные коннотативные смыслы, нагрузка которыми отражается на общем восприятии, понимании и, как результат, имеет различное воздействие на адресата.

В силу активной универсализации лексических обозначений и наблюдаемой тенденции к стиранию диалектных различий в словоформах многие

лексемы стремительно попадают в состав архаизмов и историзмов. Именно поэтому фольклорные тексты, особенно эпические, являются важным фактологическим материалом при изучении и семантической реконструкции субстантивной лексики и раскрытии ее смыслового наполнения. В свою очередь, подобная реконструкция позволяет проследить пути и механизмы расширения семантических границ слова и наблюдать процессы формирования и пересечения концептуальных полей.

Основным вопросом в данной статье является изучение устаревшей лексики дигорского варианта осетинского языка при активном сопоставлении с формами полных смысловых эквивалентов в иронском варианте, следуя синхронному принципу описания лексем [1, 98].

Различия, выявленные в ходе анализа представленных синонимов, в основной своей массе относятся к общепотребительным понятиям и номинациям предметов, объектов, явлений и традиционных представлений осетин.

В целях получения объективных выводов, в данной статье аналитический обзор лексических единиц ограничивается только номинативами, поскольку адъективы и глаголы принципиально отличаются от номинативов особенностями образования и функционирования. Кроме того, субстантивная форма фиксации считается высшим уровнем концептуализации действительности, «неязыковые сущности репрезентированы в абсолютизированном ментальном виде» [1, 48].

Статус диалектных синонимов привлекает наше внимание с точки зрения обнаружения в них различных форм осмысления объективной действительности и, как следствие, формально и грамматически отличных друг от

друга лексических единиц со сходным логико-смысловым содержанием. Поэтому результаты проведенного исследования способны отобразить картину мира носителей каждой из диалектных форм языка, тем самым способствовать изучению и пониманию базовых концептуальных категорий. Это расширит диапазон распознавания и позволит рассмотреть радиус семантического использования, изучить глубину смыслового наполнения лексемы.

Лексемы, называющие предметы домашнего обихода

Арсгинаэ (арсгийнэ) диг. / **æртыскаен** ир. «щипцы (для хватания горячих угольков в кузнице, печи, пр.» [3, 17]. Может восходить к иранскому *adr-us-kana-* «чем копаются (*us-kana*) в огне (*adr*)» [4, 183]. Предположительно образовано путем сложения сущ. *арт* / огонь + *есгæ* (деепричастие образованное от глагола наст. вр. от *есун*/ беру, брать + суффикс *-гæ*) + суффикс отглагольного употребления *-инаэ, -ийнаэ* (ср. *æмдзæрийнаэ* / сожигатель; *æмбадийнаэ* / совместное сидение и т.д.).

Пр.: *Атаæ уæмаæ бафæрсунмаæ æрбацудæнцаæ: хъæсдарæг хуæздæр æй, дзæбокаæ хуæздæр æй, арсгинаэ хуæздæр æй, уобаел фæййерис æнцаæ, сумах ба сæ æфхуаргæ каенетæ* [5, 30] – «Эти к вам пришли спросить, что лучше: наковальная, молоток или щипцы, об этом они стали спорить, а вы их упрекаете».

Сире диг./ **хъæдын тæрхæг** ир. «деревянная лавка со спинкой» [3, 330; 6, 208]. Слово происходит из монгольского языка и в современном употреблении редко встречается, а в иронском и вовсе отсутствует. Как вариант встречается *сире къела* диг. / *къæлæтджын* ир., что в обоих случаях соответствует русскому «трон, кресло с изогнутой спинкой» [4, 624; 7]. Пр.: *Медæмаæ бацудæй нæртон*

лаг, сиребэл аь арбадун кодтонца 'майин аенадон санс а бунн рауагътонца, 'ма сиребэл ниццафстай [5, 63] – «Зашел нартовский муж внутрь, посадили его на диван, и залили под него густой (безводный) клей, и приклеился он к дивану».

Взаимосвязь некоторых лексем данной группы обусловлена общей родо-видовой принадлежностью и схожестью функционального назначения. Так, *баэтман, цетена, маэтазе, добаера, куыф* являются плетеными изделиями, предназначенными для переноса или хранения чего-либо. В отдельных случаях могут выступать в качестве мерной единицы, скажем, зерна. По всей видимости, возможны внешние отличия по форме, объему или разным способом изготовления. В иронском варианте осетинского языка существует другой ряд слов с означенными семантическими признаками: *тагъкъ, чыргъад, къалати, куыф*, значение которых также сводится к русскому «корзина».

Вместе с тем, каждое из представленных слов данной группы может быть многозначным. Так, *баэтман* 1) улей; 2) сапетка, корзинка; 3) мера зерна. Пр.: *Ани рази мин бадаен наьйес, атае ме 'лдарттэ 'нца. Маена хецанай исбад-дзанаен, анайсарст баэтман фунукай байдзаг канта, ани рази мин уомай хуездар бадаен нае фаууи* [5, 29] – «Мне возле них сидеть не положено, они мои господа. Вот я сяду отдельно, заполните для меня не обмазанную (глиной) корзину пеплом, возле них лучшего места для сиденья у меня не бывает». В данном контексте слово использовано в значении «сапетка, корзинка, не обмазанная глиной».

Сравним с лексемой *маэтазе* 1) мера зерновых (около 8 кг), 2) маленькая корзиночка, смазанная глиной

[3, 260; 8, 106]. Пр.: *Анахаури биндзита ку фацайтэ, аци бон мае хуссун ку нае уагъта, зэгъга, аема ракастай а маэтазей аса хьоппагъ цаститай* [9, 319] – «Будьте вы неладны, мухи, как вы мне не даете спать сегодня, говорит он, и посмотрел своими величиной с корзину выпученными глазами». Здесь гиперболическое сравнение указывает на размеры сравниваемого предмета, то есть самой корзины.

Цетена 1) круглая, открытая корзинка, 2) шкатулка (для хранения ниток, иголок, наперстков и пр.) [3, 452]; 3) корзина для рукоделия [4, 311]. Пр.: *Уоса сузгъарина къелабаел бадтай, сузгъарина цетена ае рази, уадта алли хуаруйнаги дзабахай а раз идзагай лаудтай* [9, 533] – «Женщина сидела на золотом стуле, возле нее золотая шкатулка, а еще лежало полно хорошей еды, угощений». По мнению В.И. Абаева, слово происходит из тюрк. *цетан* / плетень, плетенка.

Примечательно, что в иронском варианте все представленные слова восходят к одному общему *чыргъад* «корзина» с видовыми отличиями. Однако этимологически собственно *чыргъад* объясняется как сложное слово с «инверсией», *гад-кур* «деревянный короб» и имеет тесную связь с *чырын* «сундук, коробка» [4, 611].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что диалектные различия в названиях предметов домашнего обихода главным образом связаны с источником их заимствования и напрямую зависят от языковых контактов социума. Метафоризация минимальная при возможной и частой метонимии, выраженной в том, что слова употребляются также в качестве мерной единицы, которая бытовала среди носителей языка и, вероятнее всего, не выходя за пределы конкретного социума, не получила

широкого распространения как единица измерения.

Названия частей дома или жилища

Медæггонæ (*медæггойнæ*) диг. / *къæбиц* ир. «кладовая». В обоих вариантах обозначает помещение, где находится провизия. Пр.: *Уартæ нæ медæггойни йес устур сау кирæ*. *Уой медæгга ба йес æндæр кирæ* [8, 333] – «В нашей кладовой есть большой черный сундук. А внутри него еще один сундук».

В дигорском образовано от *медæг* (*медæгга*) послелог, нареч. «внутри, внутри» + суффикс *-он*, что напрямую указывает на расположение кладовой в доме. В иронском отмечается связь *къæбиц* с первоначальным значением этого слова как «меры зерна, муки», а в качестве посредствующего значения «хранилище зерна, муки» [4, 621].

Таткагонд диг. / *халагъуд* ир. «шалаш; навес, кровля, полка» [3, 340; 6, 218]. Здесь наблюдается сложная деформация значения слова в дигорском из арабского через тюркский «ряд, ярус, этаж», что существенно отличается от приобретенного в дигорском значения, поскольку простейшая временная постройка не может иметь ярусов и этажей. Иллюстрацией служит текст: *Таткагонд ракодта æма биццеуи уобæл февардта, æхуæдæг ба бамедæг æй Горима* [9, 252] – «Сделал небольшой навес и положил мальчика на него, а сам зашел внутрь Гори (крепость Гори)».

Иронское *халагъуд* «шалаш» является результатом сложения двух основ *хал* + *хуыд* – «травяное покрытие» [10, 136], и указывает на «временность» сооружения. Семантически значимый формант – *гонд* в дигорском *таткагонд* компенсирует отсутствие в исходном *татка* указания на «временность» «недолговечность» обозначаемого предмета.

Кесена диг. / *гæнах* ир. «крепость». В широком понимании обе диалектные

формы обозначают богатое большое укрепленное жилище, приспособленное как для проживания, так и для обороны; основательное; благоустроенное. Это вполне отображает реальную действительность исторически сложившегося уклада жизни осетин и их быт.

Определение происхождения слова несколько затруднено, но из всех зафиксированных возможных соответствий наиболее близко стоит персидское *kāsāna* «дом, украшенный глазурью», «небольшой домик» [4, 594]. Вероятнее всего метафоризация произошла от «украшения глазурью» как признака богатства, основательности и благоустройства. В иронском соответствует старому заимствованию из тюркского «дом-крепость», «укрепленный дом» [4, 513].

Пр.: *Рацудан, 'ма мæ еу кесенамæ ниххудта, æнæ дуар уæхæнмæ, айдагъ æ сæри — къæразгæ* [9, 403] – «Вышли (мы), и привел (он) меня к одному замку, без дверей, только на верхушке (на крыше) окно».

Названия съестных продуктов и блюд из них

При ограниченном перечне национальных блюд в осетинском языке сохранились названия нескольких видов напитков, одно из которых – *уæрас* – не имеет точного соответствия в иронском: *нозты мыггаг, къуымæл* – напиток схожий с квасом; густая брага [3, 367]. Пр.: *Нарти адæм æрæмбурдæнцæ кувдмæ æма Уациамонгæ сæ астæу æрæвардтонцæ*. *Уациамонги адтæй уæрас* [11, 203] – «Нартовский народ собрался на пир, и поставили они посередине чашу Уациамонга, в чаше была брага».

Æхцин диг. / *уæлибæх, хæбизджын* ир. «пирог с сыром» [3, 98; 4, 217]. Пр.: *Уæд ин Нартæ æртæ æхцини, цуппæртегъон авги дзаг арахъхъ æма Хæмици устур уормен равардтонцæ* [9, 330] –

«Тогда ему Нарты отдали три пирога с сыром, четырехугольный стеклянный сосуд полный араки, и большой кафтан Хамыца». В.И. Абаев допускает связь с *хас- in*, где *-in* суффиксальное, а *хас-* с груз. «творог» [4, 217].

Иронское *уæливых* (*уæлибæх*) легко поддается объяснению при его разложении на *уале* + *фых* «испеченный сверху», в то время как его синоним *хæбизджын* не находит точного объяснения своего происхождения, не считая форманта *-джын* «начиненный (чем-то)». По мнению Абаева, из осетинского в грузинском зафиксировано *хæбизджын* «пирог с сыром» [10, 150]. Здесь вызывает сомнения связь дигорского *æхцин* с грузинским *хас* «творог».

К ритуальным блюдам относятся *æхсæрфæмбæлттæ* диг. /*хуылфы дзæмæттæй* (*игæртæ æмæ рæуджытæй*) *конд физонæг* ир. «обрядовый шашлык из бараньих внутренностей, обернутых во внутренний жир» [3, 96]. В иронском варианте не имеет особого названия, хотя полностью сохраняется назначение и способ приготовления, тогда как в дигорском варианте это разные виды шашлыка по способу приготовления и назначению, что подтверждается фольклорными источниками. Пр.: *Стур рарарт кодта æма арти фæрстæ фезонгутæй райдзаг кодта 'ма фезонгутæ кæнуй. Фезонгутæ ку сцæттæнцæ, æхсæрфæмбæлттæ ку скодта, уæд мæмæ дзоруй...* [9, 405] – «Развел большой костер и вокруг костра разложил шашлыки и жарит их. Когда уже шашлыки приготовились, когда он приготовил и шашлыки из внутренностей, он говорит мне...»

Номинации внешней характеристики человека

Нихагæ диг. / *бецыкк* ир. «локон на виске у женщин, бакенбарды у мужчин»

[3, 283; 8, 185]. Здесь логично было бы допустить, что слово, образованное от *них* (*ных*) «лоб» + суфф. *-аг*, должно соответствовать иронскому *бецыкк* (диг. *бецуккæ*) «чуб, локон», которое также присутствует в дигорском. Именно в таком значении оно встречается в текстах. Пр.: *Уæдта йин (бæхæн) æ нихагæ æма æ гъостæмæ фæллабордзæнæн* [9, 254] – «Затем схвачу ее (лошадь) за волосы на лбу и за уши».

Надо полагать, что в современном употреблении произошло смещение семантики данного слова и *нихагæ* стало обозначать локоны на висках у женщин как синоним заимствованного из грузинского *дадали(-тæ)* «локон, свисающий у виска женщины» [4, 258, 341; 8, 185, 218]. Отсюда производные в диг. *нихаггун, дадалигун* «с локонами на виске».

Рехдзар диг. / *сæрдзарм* ир. «скальп, кожа лица вместе с бородой и усами» [3, 312]. Является композитом от существительного *рехæ* «борода»+сущ. *дзарæ / цъарæ* «кожа, обертка». Пр.: *Æртæ кизги гаузбæл æркалдтонцæ рехдзæрдтæ. Ку 'ркастæнцæ рехдзæрдтæмæ, уæд си ка æ хуæрифурти, ка æ мадирвади, ка ба иннæ хæстæги рехтæ бафæсмардта, æма сæбæл æстæмæй-астмæ никкудтæнцæ* [10, 92] – «Три девушки бросили на ковер скальпы. Когда они посмотрели на скальпы, узнали в них кто племянника (ребенок сестры), кто дядю по матери, а кто – родственника, и плакали они неделю». Примечательно, что *рихи / рехæ* в иронском «ус», а в дигорском борода, *боцъо / бецъо* в иронском «борода», в дигорском «ус».

Мæрзæздухт диг. / *бæзæрхыг, мызыхъарæзт* ир. «коренастый, грубо сложенный» [3, 259; 8,100]. Пр.: *Минкъий мæрзæздухт лæг дæр саги мардæн æ еу фарс растъигъта, уæдта 'й æ еунаг къохаей иннæрдæмæ фесхуста, 'ма и*

саги мард йецирдамае бахъан ай [6, 54] – «Маленький крепкий мужчина содрал шкуру с туши оленя с одной стороны, а потом одной рукой толкнул ее (тушу) в другую сторону, и туша оленя завалилась в ту сторону».

Отмечены варианты с фонетическими различиями *марзæздухъ*, *марздухъ* и *марзæздугъд* общее значение которых сохраняется и образовано от *марз* «коротко» + *æздухт* «скрученный, крученный, закрученный». Созвучное в иронском *мызыхъарæзт* также является производным от *мызыхъ* «коренастый» + *арæзт* «строение» имеет иное этимологическое происхождение [8, 100]. Форма *мызыхъ* «коренастый, массивный» происходит от тюркского *базухъ* того же значения.

Если рассматривать композиты в *марзæздухт* (диг. «грубо, коротко скрученный») и *мызыхъарæзт* (ир. «коренасто устроенный»), то становится очевидным, что внутренняя семантика каждого из вариантов имеет разные коннотативные смыслы. В дигорском варианте признак наделен явными отрицательными коннотатами, в иронском же признак тяготеет больше к положительному коннотативному компоненту и чаще относится к человеку крепкого телосложения, признак же «невысокого роста» отходит на периферию. Сравним синоним *бæзæрхыг* «коренастый, ширококостный».

Названия частей тела

Хъæлхъос диг. / *сæргæхи*, *сырды сæр* ир. «череп, голова зверя (охотничий термин)» [12, 439; 3, 437]. Пр.: *Уæд ай æхсæзæймаг бæласæбæл æрбатухта, ама уомæн ба æ цъарæ дæр нæбал ралух кодта. Уæдта 'й æ астаубæл æрбатухта ма дзоруи сæри хъæлхъосма, нур ба 'й дардзæнæн, зæгъгæ, дæ номбæл* [9, 334] – «И тогда он его привязал к ше-

стому дереву, а с него он даже кору не срезал. После обвязал его вокруг талии и говорит черепу, теперь буду, мол, носить его в твою честь».

Данная лексема является эвфемистическим образованием синонимического ряда *сæригæхиæ*, *сæрикъудур*, *хъо-болаæ* из разряда соматизмов, большинство из которых являются композитами с основным компонентом *сæр* «голова» и содержат разной степени эмоционально-оценочную окраску. Следует отметить, что лексема *сæр* в процессе своего развития и преобразований первичных значений приобрела довольно большое количество переносных (вторичных) значений. Расширение значений происходит путем метафорических, метонимических или функциональных переносов наименований, что говорит об ассоциативном характере взаимоотношений между сосуществующими значениями слова. Этим обусловлен тот факт, что данная лексема является компонентом множества идиоматических сочетаний, фразеологизмов и сложных слов [13, 84].

Вместе с тем, собственно лексема *хъæлхъос* является многозначным словом и имеет несколько значений: 1) голова (зверя); 2) череп; 3) шайба [3, 437]. Сравним, вариант сочетания диг. *сæри хъаболаæ* / ир. *сæры къуыдыр*, *сæргæхи* «череп» [3, 436]. Пр.: *Уæд, æ астауистæги хъанз ка адтæй, йе фелвæстæй еугураей дæр. Ама сæри хъаболаæ дзоруи Сосланма...* [9, 334] – «Тогда его спинной мозг, который был, весь выскочил. И череп говорит Сослану...»

Слово *хъаболаæ* «утолщение кости в сочленении, череп» в данном сочетании с учетом обоих значений транслирует и внутреннюю метафору, и усилительный повтор. Сравним с иронскими вариантами, которые основаны на внешней метафоре: *сæры къуыдыр* «обрубок (чурбан)

головы», *сæргæхи* «букв. чаша головы». Здесь надо отметить концептуально значимую особенность слитного и раздельного вариантов написания сочетаний в осетинском языке, которое влияет на полноту смысловой семантики [14].

Илункъæ / улинкъæ диг. / *уылынгир*. «дюйм, пядь (мера длины)» [3, 370; 10, 114]. Пр.: *Ка нæ фæциудайдæ, йе ба ин авд илункъи биццеу уацайраг лæвардта* [8, 250] – «А кто бы ни сходил, тот бы ему давал мальчика раба ростом семь пядей».

Данный фонетический вариант встречается в эпических текстах, в то время как в словарях зафиксирован вариант *илункъæ / уылынг* и обозначает расстояние между концами растянутых указательного и большого пальцев. Присутствие в толковании значения «дюйм» объясняется архаичностью самого термина, утратившего свое прямое назначение как меры длины и, как следствие, выпавшего из активного употребления, ввиду чего носителями языка сообщается разное расстояние (в том числе и зафиксированное в архивных источниках) [15].

Названия воинского снаряжения

Рæвдзитаæ диг. / *гæрзтаæ, хотыхтаæ* ир. «доспехи, снаряжение (для коня)» [3, 306]. Является общим названием воинского снаряжения и имеет в каждой диалектной форме свое происхождение: диг. *рæвдзитаæ* от *рæвдз / рæвдзæ* «быстро, быстрый, готовый»; «снаряженный, снабженный всем необходимым» (для работы, войны, похода, дороги) [8, 386]; отсюда формы *рæвдз уæвын* «быть готовым», *срæвдз кæнын* «приготовить», синонимы *ифтонг* «снаряженный» [4, 555]; *цæттаæ* «готовый», *цæттаæ уæвын* «быть готовым».

Иронский вариант мн.ч. *гæрзтаæ* «орудие», «одежда» является явной ме-

тафоризацией повседневного одевания в воинское облачение. В составе сложных слов приобретает семантику уточняющего характера: *хæцæн + гарз* «орудие боя», *кусæн + гарз* «рабочее орудие», *хуыссæн + гарз* «постельная принадлежность» и т.д. [4, 508, 516] Вместе с тем, основа *гарз* (мн.ч. *гæрзтаæ*) самостоятельно может использоваться во всех перечисленных смыслах. Слово имеет явные семантические пересечения с *хотых* (мн.ч. *хотыхтаæ*) «оружие» и образует синонимический ряд.

Названия отдельных видов оружия не столь легко поддаются объяснению. Несмотря на то, что в языке сохранились различные названия оружия, не всегда оказывается возможным дать точное описание каждого из них, равно как и установить их этимологическое происхождение [16]. Пр.: *Æ гуæбæл бæргæ адтæй æ фиди æсхъæр æма иннаæ рæвдзитаæ, фал æ къæхтæбæл уæхæн фæдар рæвдзæй неци адтæй, æма дуккаг цæф ку никкодта фæдари, уæд ин мудзурайæй æ къах исрæуигъдтонцæ Гори фæдарæй, æма фæхъхъан æй* [9, 255] – «Хотя и был его корпус защищен кольчугой и другими доспехами, но ноги его не были защищены крепким доспехом, и когда он нанес второй удар по укреплению, тогда копьем поразили ногу его из укрепления Гори, и он упал».

В приведенном примере, помимо общего названия *рæвдзитаæ* «снаряжение», упоминаются диг. *æсхъæр / ир. згъæр, æфсæн гуырдарæн* «кольчуга» и диг. *мудзура / ир. ари, рæхойæн* «колющее оружие», которые, исходя из текста в том числе, имеют явное отношение к воинской теме. Однако они не имеют самостоятельного полного лексикографического описания. В этом отношении интерес представляет и очевидный архаизм диг. *хъæмуци / ир. цæвæрдæр хотых* «оружие, булава» [3, 437]. Точ-

ное описание его отсутствует, поэтому в большинстве случаев слово обобщенно обозначает один из видов оружия. Предположительно *хъамуц* (*хъамуци*) знасит «палка с набалдашником», «палица, булава (оружие)» [3, 437]. Примечательно, что А.Н. Генко персидское *gurz* также переводит как «боевая палица» (*vazra-*) и связывает с осетинским *гарз* «орудие», проводя параллели с ингушским, чеченским, тушинским [4, 508]. Эта связь подвергается сомнению Абаевым, но не само значение персидского *gurz*.

Номинации нравственно-этических понятий

Лиагъæ диг. / *худинаг*, *æфхæрд* ир. «позор, бесчестье» [3, 251; 8, 44]. Слово имеет широкий диапазон отрицательных смыслов и включает в себя такие семы, как «неприятность», «вред», «позор», «беда», «оскорбление», «поругание». Может выступать в качестве именной части составного глагола диг. *лиагъæ хæссун* «приносить неприятности, беду». Пр.: *Уæд æй Деденаг игъосун байдадта, 'ма йма лиагъæ хæссун байдадта, 'ма загъта...* [9, 127] – «Тогда Деденаг стал слушать его, и стало ему это казаться позорным, и сказал...» В данном случае примечательно, что произошло заимствование через кабардинский уже полярно переосмысленного арабского слова *liaqat* «приличие, пристойность, уместность, достоинство» [8, 44]. Трудно рассуждать о причинах и мотивах такого переосмысления, однако не исключено действие метафорических процессов.

Æзмора диг. / *хæрам*, *æнауынондзинад*, *хъаугъа* ир. «неприятность, вражда, враждебный» [5, 461; 3, 35]. По неизвестным нам причинам слово не нашло своего отражения в этимологическом словаре, но, как и предыдущее слово данной подгруппы, оно передает ши-

рокую гамму социально-нравственных понятий и дополнительных контекстных смыслов. Пр.: *Уæд Сырдон хæсуй, 'ма дин уайгутæ сæ хæрадземæ богалитæ хæнуца, 'ма си йе дæр сæ йеуей æндамæ раласта 'ма 'й фæрсуй: – Ци хæнта, загъгæ, йести æзмора йес уæ астæу?* [5, 65] – «Тогда Сырдон смотрит, и уайиги борются, он тоже одного из них вывел и спрашивает его: – Что с вами, говорит, между вами какая-то неприязнь?»

Фес диг. / *амал*, *гæнаен* ир. «возможность, способ, средство» [9, 836], «удобный случай, прием» [17, 32]. Лексикографическое значение лексемы *фес* дается как «счастье» и синонимично *нива*, ир. *амонд* [3, 404; 4, 369]. Пр.: *Зиндони дуарттæ бæргæ басæтдзинан, фал уони фæсте ку бадуй мæнаен мæ тоггин æзнаг, ку ниллаудтæй йе Мæрдти бæстæмæ бацæуæни гъæуайгæсаен. Гъе уомæй махæн байервазуни фес ку не суодзæнæй* [9, 499] – «Врата ада мы, конечно же, ломаем, но за ними же сидит мой кровный враг, он и стал охранником у входа в царство мертвых. Вдруг не посчастливится нам мимо него пройти». В данном случае контекстное значение слова легко объясняется этимологией самого слова, восходящего к иранскому **paisa-*, букв. «написанное, предопределенное», и абсолютно уместно в качестве значения, поскольку речь идет именно о *предопределенной* возможности.

Взаимосвязь таких различных на первый взгляд понятий, как «способ», «возможность», «средство» с переходом на семы «предписанное», «предначертанное», вовлекаемых в семантическое поле концепта *амонд* «счастье», совершенно оправданна, поскольку в осетинской мировоззренческой культуре понятие *счастье* является многомерным и многоплановым.

Уасхæ диг. / *ард, сомы* ир. «клятва» [3, 304; 10, 57]. Этимология слова не вполне ясна, однако семантическая близость с иронским *ард* хорошо прослеживается, исходя из клятвенных формул осетинского языка, в которых оба лексических варианта взаимозаменяемы. По всей видимости, диг. *уасхæ* не получило такого семантического расширения как ир. *ард*, но несомненно глубокая древность обоих вариантов как культовых терминов [18] со схожей смысловой трансформацией «имя божества» → «клятва этим божеством» → вообще «клятва» [10, 57; 19, 123]. Пр.: *Æма йин загътонцаæ уасхæ, цалдаен æрцауай, уалдаен нæ бадæнтæй не систдзинан, зæгъгæ* [9, 325] – «И произнесли они клятву, дескать, пока ты не придешь, не встанем с наших мест». Каждый из синонимических вариантов входит в концептуальное поле «клятва» со своим набором коннотативных смыслов, которые репрезентируются в различного рода сочетаниях, устойчивых выражениях и речевых формулах [20, 62].

Как представленные здесь, так и другие группы лексем позволяют сделать вывод о том, что в обоих вариантах осетинского языка значительная масса слов образована посредством объединения сложных метафорических образов, продиктованного культурными, социальными и гендерными особенностями. Существенным и весьма привлекательным отличием при этом является то, что в дигорском диалекте метафоры чаще опираются на внутрен-

ние, глубинные образы, при посредстве которых возможно усмотреть связь с объектом, явлением, событием, действием и т.д. В иронском же варианте осетинского языка перенос значения и выявленные сходства сравниваемых и уподобляемых объектов в большей степени основаны на внешней метафоре.

Основная часть лексических единиц относится к архаизмам, выпавшим из активного употребления ввиду естественных процессов слияния диалектных форм и бытующим исключительно в фольклорных текстах. При этом отмечено, что выпадение из активного употребления дигорских вариантов происходит чаще с замещением их на иронские варианты с приобретением характерных грамматических особенностей, свойственных дигорскому диалекту осетинского языка (внутридиалектная ассимиляция).

Этимологическое толкование и деривационное разложение (разбивка) слова, представленное как морфемное сочетание, выявило в ряде случаев наличие нескольких единиц с одним общим видовым значением, в то время как существенных функциональных отличий друг от друга проведенный анализ контекстного использования не выявил.

Сложные слова, образованные путем сочетания двух и более самостоятельных основ и при участии семантически значимых морфем дают особую форму многослойной семантики, характеризующую нами как концептуальная.

1. *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
2. *Мухин С.В.* Соотношение понятий ассимиляции и натурализации заимствований // Теория и практика лексикологических исследований: Вестник МГЛУ. 2007. Вып. 532. С. 140-148.
3. *Toone W.* A Glossary and Etymological Dictionary of Obsolete and Uncommon Words. London, 1884.
4. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1973. Т. 2.
5. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
6. *Harmatta J.* Studies on the history of the Sarmatians. Acta Universitatis de Attila József Nominatae. Szeged, 1970. Tomus XIII.
7. *Liberman A.* The Deceptive Transparency of Compounds [электронный ресурс]. URL: <http://blog.oup.com/2009/08/compounds>
8. Dictionary by Merriam-Webster: America's most trusted online dictionary [электронный ресурс]. URL: <http://www.merriam-webster.com>
9. *Bailey N.* An Universal Etymological English Dictionary. London, 1726.
10. *Аракин В.Д.* Очерки по истории английского языка. М., 1955.
11. Random House Unabridged Dictionary. London, 2006.
12. Domesday Book: A Complete Translation. London, 2003.
13. *Bosworth J., Toller T.N.* An Anglo-Saxon Dictionary: Based on the Manuscript Collections of Joseph Bosworth. London, 1838.